

ПОХОДНЫЕ ОФИЦЕРСКІЕ ВЬЮКИ.

(Писано въ 1861 году.)

Въ настоящее время, значительная часть нашей арміи приведена на военное положеніе, офицерамъ роздано не въ зачетъ полугодовое жалованье по усиленному окладу; слѣдовательно, они обязаны имѣть вьючныхъ лошадей. Все это неволью наводитъ на мысль о предстоящемъ походѣ, и весь интересъ офицерскаго общества сосредоточивается на одномъ вопросѣ: «Какъ мы пойдемъ въ походъ? Неужели опять подниматься на вьюки, да, притомъ, еще и на форменные?» Если возможно, да избавимся мы отъ такой невзгоды. Это общій отголосокъ офицеровъ, испытавшихъ, что значитъ военный походъ на вьюкахъ. При всеобщемъ улучшеніи организаціи нашей арміи, слѣдовало бы обратить вниманіе на этотъ важный предметъ. Отчего бы, кажется, вьюкъ не замѣнить простою двухколесною?

Правда, съ военной точки зрѣнія, вьюкъ имѣетъ большія преимущества передъ колеснымъ обозомъ; но зачѣмъ же причислять двуколку къ этому обозу? Она гораздо подвижнѣе не

только его, но и вьюковъ: для нея вездѣ найдется дорога. Черкесская арба проходитъ по заоблачнымъ горамъ, гдѣ только есть тропинка, доступная для одиночнаго всадника. Но положимъ, что на Кавказѣ, въ какихъ нибудь тущобахъ, найдутся мѣста, не приступныя для двухколески. Такъ вѣдь это Кавказъ! Пускай вьюки бы и оставались для того края, гдѣ еще есть артиллерія, путешествующая на вьюкахъ; но въ государствахъ европейскихъ, даже въ Турціи, намъ кажется, вьюкъ сдѣлался анахронизмомъ. Въ послѣднюю кавказскую кампанію мы два раза переходили Саганлугскій хребетъ съ обозомъ и артиллеріей и особыхъ затрудненій не видѣли. Воля ваша, а мы искренно порадовались бы теперь уничтоженію вьюковъ, или, по крайней мѣрѣ, хотя дозволенію пользоваться по желанію имъ или двухколескою.

Мы слышали, что проектъ двуколки былъ уже разъ представляемъ; его не приняли. Почему? Вопросъ о экономіи, кажется, здѣсь не могъ играть роли, по той простой причинѣ, что его не касались. Развѣ военные вопросы?... Но какъ взглянули на эти вопросы?... Впрочемъ, я не буду распространяться, потому что проектъ извѣстенъ былъ только по слухамъ, и намъ не случилось видѣть даже проектированной двухколески.

Несмотря на эту неудачу, желаніе быть полезнымъ своимъ сослуживцамъ и глубокое убѣжденіе въ необходимости высказывать каждому прямо и откровенно свои мысли, касающіяся улучшенія той или другой части въ войскѣ, заставляютъ насъ снова приняться за перо. Мы не будемъ пристрастны къ вьюку, покажемъ его выгоды (если онѣ окажутся, при тщательномъ обсужденіи предмета) и его невыгоды. Мы рассмотримъ удобства двухколески и ея неудобства, возьмемъ потомъ результаты, будемъ судить о нихъ, основываясь на небольшой опытности, приобретенной нами во время боевыхъ походовъ, когда ходили мы на вьюкахъ и ходили на двухколескахъ, и затѣмъ посмотримъ, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ.

Итакъ, за дѣло.

Вьюки можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ хозяйственной, какъ средство офицера перевозить свое имущество, и съ военной, какъ часть обоза, оказывающаго всегда болѣе или менѣе важное вліяніе на скорость передвиженія войска.

Что вьюкъ, какъ средство офицера перевозить свое имущество, вещь далеко не практическая, это доказывается уже

тѣмъ, что онъ никогда не прививался къ арміи, а появлялся въ ней только въ продолженіе войнъ, какъ необходимость, и то вслѣдствіе лишь настойчивыхъ предписаній начальства. Повозки и въ военное время удерживались до послѣдней возможности (*).

«Что за диво, если вы удерживали повозки, возражаютъ мнѣ: — вы возили слишкомъ много вещей съ собою: разумѣется, на вьюки всего не положишь, а отъ роскоши-то видно отстать не хотѣлось....» Нѣтъ, милостивые государи! отвѣчаю я: — не оттого мы удержали повозки. Не знаете вы нашего быта. Бѣденъ армейскій офицеръ, и въ мирное-то время ему не до роскоши, когда все имущество его заключается въ пяти или шести пудахъ вѣсу. Притомъ, радъ не радъ, а клади всѣ эти вещи на вьюкъ, потому что самая значительная часть ихъ составляетъ нашу принадлежность во фронтѣ или при исполненіи служебныхъ обязанностей. Повозки удерживались потому, что съ ними офицеръ былъ покоенъ за свои вещи, и если случалось, что по дурной дорогѣ повозки опаздывали часъ, два или три, то вьюковъ, впоследствии, мы не видали и дольше.

Съ прекращеніемъ войны вьюки исчезали, и рѣдко у кого нибудь изъ офицеровъ можно было встрѣтить чемоданы, возившіеся, какъ воспоминанія минувшей кампаніи.

Разсмотримъ же неудобства вьюка, на который такъ справедливо возстасть офицеръ, побывавшій на своемъ вѣку въ походахъ.

Во первыхъ, вѣсъ вьюка не можетъ быть опредѣленъ болѣе, какъ въ пять пудовъ. Каждая, самая незначительная, прибавка заставляетъ офицера беспокоиться за свою лошадь, стало быть и за вещи. Положите же теперь собственно на вѣсъ вьюка приблизительно одинъ пудъ, на вещи останется только четыре. Тутъ нужно считать и теплую шинель и холодное пальто, подъ часъ и тулупчикъ, припасенный для зимней кампаніи, мундиръ, два сюртука, два кителя, трое шароваръ. Прибавьте къ этому бесполезный вальтрапъ, который трудно укладывается и который занимаетъ самое громоздкое мѣсто. Вальтрапъ долженъ быть на лошади, скажете вы. Справедливо: одинъ и есть на

(*) Какъ доказательство этому могутъ служить аптечные полковые вьюки, которые никогда полками не берутся на вьюкать.

лошади; но развѣ во время войны можно обойдтись однимъ вальтрапомъ? Вальтрапъ на сѣдлѣ черезъ два мѣсяца кампаніи обратится въ такую ветошь, на которую вы сами будете смотреть не конфузясь единственно потому, что всѣ ваши товарищи испытываютъ ту же самую участь. А смотрятъ?... А парады?... А общая наша страсть видѣть въ войскѣ наружный блескъ и щегольство?...

Да одни ли вальтрапы?... Сколько вы встрѣтите у офицера вещей въ двухъ или трехъ комплектахъ, когда, особливо во время войны, можно бы ограничиться однимъ! Сюда принадлежатъ и касочные султаны, и эполеты, и шашечныя портупей, и перчатки съ лялунками. Все это вещи дорогія и, притомъ, требующія отдѣльной укладки въ особые коробочки. А каждая коробочка такая же обуза для офицерскаго вьюка, какъ лишнее колесо для кавалерійскаго отряда.

Прибавьте къ этому на вьюкъ необходимое бѣлье, подушку, одѣяло, коврикъ (что гораздо важнѣе во время похода, чѣмъ лишняя форма), наконецъ кухонную посуду. А самоваръ? вѣдь невозможно же, идя на войну, сдѣлаться Спартанцемъ и отказаться отъ всего, что составляло жизненную потребность во время мира. Куда вы его положите, или чѣмъ замѣните вы этого добраго треногаго спутника боевой жизни русскаго офицера? Не замѣните вы его ничѣмъ, потому что самоваръ дорогъ военному человѣку. Его безконечная пѣсня напомнитъ вамъ пѣсню вашей далекой родины, и подъ чужимъ небомъ, въ снѣгу чужаго бивуака вы будете съ нимъ какъ дома. А чай? Да это эликсиръ, вливающий силу и бодрость въ ваше изнуренное тѣло. Пускай на дворѣ валитъ снѣгъ и вѣтеръ жалобно завываетъ по широкому полю: вы сидите себѣ въ палаткѣ; самоваръ поетъ передъ вами свою волшебную пѣсню о быломъ, да и дѣла не забываетъ: согрѣваетъ вамъ ваше холстинное жилище. Въ другую пору, когда, при сорокаградусной жарѣ, вы начинаете чувствовать, какъ засыхаетъ гортань, какъ закипаетъ кровь въ вашихъ жилахъ, самоваръ и тутъ оказываетъ вамъ братскую услугу: вы глотаете горячій чай, раскрывающій ваши поры; внутренній жаръ утихаетъ, кровь начинаетъ охлаждаться, вы вздыхаете свободно. Словомъ, безъ самовара нѣтъ спасенія походному человѣку.

Конечно, по необходимости, его можно замѣнять чайникомъ,

Но, во первыхъ, для чайника тоже надо отыскать мѣсто; во вторыхъ, чай утрачиваетъ всю свою прелесть. Съ чайникомъ и хлопотъ больше: для него необходимо разложить огонь, что при дождѣ не всегда удается, да иногда и не позволять; самоваръ же вы можете поставить и въ палаткѣ. «А если палатки нѣтъ?» Такъ возьмите два колышка, прикройте ихъ шинелью — вотъ вамъ и навѣсъ для самовара. «А уголья?...» Но вѣдь для чайника нужны хотя щепки, если не дрова, торбу же угольевъ легче возить, нежели доброе полѣно.

Теперь перевѣсьте свои вещи и взгляните на цифру общаго итога. Едва ли она будетъ въ четыре пуда. А вѣдь это все вещи первой необходимости.

Могутъ возразить, что если строевая лошадь несетъ на спинѣ семь пудовъ и съ такою тяжестью пускается въ карьеръ и опрокидываетъ еще неприятеля, то что же значить тяжесть въ пять пудовъ? На это практически испытавшій походъ можетъ замѣтить, что семь пудовъ живой тяжести для лошади несравненно удобнѣе пяти пудовъ тяжести мертвой. Вьюкъ вещь громоздкая. Возьмите для примѣра пудъ желѣза и пудъ пуха. Желѣзо вы поднимете, а съ пухомъ повозитесь. Вѣсъ ихъ одинъ и тотъ же. И если лошадь со всадникомъ пронесется въ карьеръ версту, то лошадь со вьюкомъ не пройдетъ и половины того же расстоянія рысью.

Притомъ, и всѣми перечисленными вещами невозможно обойтись офицеру. Ему нужно подъ часъ и полѣно дровъ, и нѣсколько гарцевъ овса, и добрую вязанку сѣна, въ особенности послѣдняго. По приходѣ на мѣсто, вы сейчасъ же должны подкрѣпить силы вашихъ лошадей, и это не роскошь, а прямая необходимость. Строевая лошадь менѣе изнуряется и не требуетъ столько корма, какъ лошадь, пришедшая со вьюкомъ. А, между тѣмъ, весьма часто сѣно доставляется къ отряду уже ночью или только на разсвѣтѣ.

Положимъ, что, въ непрестанной заботливости о своемъ вьюкѣ, вы найдете возможность часть вещей отдѣлять на другую вьючную лошадь; но имѣйте въ виду, что на ней есть свой собственный вьюкъ: это особа вашего деньщика, не умѣющаго ѣздить и этимъ самымъ уже болѣе всего беспокоящаго лошадь. У деньщика есть свои вещи. У него же на рукахъ небольшой запасъ вашей провизіи; у него же въ кабурахъ помѣщаются и запасныя

подковы, и гвозди, и серебряныя, и прочія желѣзныя вещи, ма- дья по объему, но тяжелыя по вѣсу. Сверхъ того, деньщикъ управляетъ двумя лошадыи, и его сидѣнье должно быть удобно; ему часто приходится слѣзать и садиться на лошадь безъ посторонней помощи, что и при небольшомъ вьюкѣ становится затруднительнымъ.

Во вторыхъ, выборъ вьючной лошади играетъ весьма важную роль. При небольшомъ ростѣ, она должна быть крѣпка и постоянно держать хорошее тѣло. Несоблюденіе одного изъ этихъ условій дѣлаетъ лошадь мало способною ко вьюку. Большой ростъ затрудняетъ объвьючиваніе; слабость ногъ или спины за- ставляетъ коня ложиться подъ вьюкомъ; лошадь худая, съ вы- давшимися наружу костями побивается при первомъ переходѣ. Первые два качества еще можно выполнить при покупкѣ лошади; но какъ выполнить послѣднее? Въ военное время часто слу- чается такой недостатокъ фуража, что даже строевыхъ лоша- дей корятъ древесными листьями или снимаютъ полусгнившую солому съ крыши крестьянской хаты. Плохо приходится тогда вьючной лошади: на долю ея и отъ этого скуднаго корма остаются одни объѣдки. А если она похудѣетъ и побѣется, что вы будете дѣлать съ нею? Пусть вашъ конь захромаетъ, пусть онъ заболѣетъ: все излечивается на походѣ, кромѣ ссадины. Только эта упорная болѣзнь требуетъ леченія на мѣстѣ, и ле- ченія самаго правильнаго, когда лошадь стоитъ безъ сѣдла. Надо особое счастье офицеру, чтобы отрядъ остановился на во- семь или на десять дней на позиціи. Въ противномъ случаѣ, бесполезность больнаго коня становится до того очевидною, что офицеръ нерѣдко бросаетъ его на произволъ судьбы, а вмѣстѣ съ нимъ и часть собственнаго вьюка.

Какъ же продолжать офицеру походъ на одной лошади? Разложить свои вещи на другіе вьюки; но мы уже видѣли, что каждый стѣсняется и собственными вещами. Научите же, гдѣ офицеру купить другаго коня, который выполнилъ бы необхо- димыя условія и не вводилъ бы только въ напрасныя издержки? Правила на это существовать не могутъ; главное тутъ случай, не подходящій ни подъ какія правила.

Въ третьихъ, изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что сбе- реженіе лошади есть главная забота ея хозяина. Но на сбереже-

нѣ лошади, кромѣ корма и тяжести вьюка, оказываетъ вліяніе еще хорошее и правильное объвьючиваніе ея.

Посмотримъ, въ чемъ состоитъ это объвьючиваніе:

- 1) Въ хорошей сѣдловкѣ.
- 2) Въ раскладкѣ вещей поровну во всѣ чемоданы, чтобы тяжесть равномерно лежала по обѣимъ сторонамъ лошади.
- 3) Въ правильномъ употребленіи круговаго ремня и трока, удерживающихъ вьюкъ въ одноиъ положеніи и препятствующихъ ему переваливаться съ одной стороны на другую.
- 5) Самая укладка вещей требуетъ особой тщательности, чтобы чемоданы сохраняли всегда округлую форму.

На чьихъ же рукахъ лежитъ вся эта трудная и сложная система объвьючиванія? На рукахъ деньщика. Но что такое деньщикъ армейскаго офицера? — Да, Боже мой! — кто же не знаетъ этой несчастной личности! Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе вопроса, замѣчу только, что деньщикъ, въ мирное время, долженъ служить своему офицеру, исполнять его порученія, ходить на посылки, долженъ поставить самоваръ, приготовить обѣдъ и ужинъ, убрать комнату и смотрѣть за всѣмъ офицерскимъ хозяйствомъ. Это сегодня! Завтра — походъ, и къ нему на руки поступаютъ еще двѣ лошади. А что, если деньщикъ назначенъ изъ гарнизона и во всю жизнь свою не обращался съ верховыми лошадьми? Вы скажете: выучится. Нѣтъ, въ походѣ поздно учиться; въ походѣ и кавалерійскій солдатъ подъ горячую руку сѣдлаетъ дурно. Чего же требовать отъ неуча, да еще и отъ деньщика, съ именемъ котораго соединяется у насъ общее понятіе о лѣни и неряшествѣ?

Хорошій деньщикъ — исключеніе весьма рѣдкое. Съ того самаго злополучнаго дня, когда деньщикъ вступаетъ въ управленіе вашей конюшней, надъ вами начинаютъ собираться черныя тучи различныхъ бѣдованій. Вы тревожно чувствуете ихъ приближеніе, но уже не въ силахъ отсторонить ихъ.

Хорошая сѣдловка, разумѣется, основа всего объвьючиванія. Но — увы! — это дѣло не рукъ деньщика. До этого и кавалерійскій солдатъ доходитъ только долгою службою да постоянною практикою. У кавалерійскаго солдата въ походѣ потникъ вещь священная. У него только и заботы, чтобы онъ былъ исправенъ и не попало бы подъ него что нибудь такое, что можетъ посадить лошадь. Деньщика потникъ не интере-

суеть: деньщика интересуют битки да приготовленіе борща, кислаго или не очень кислаго, какъ вы тамъ любите. Не до-смотрѣлъ онъ, попалась подъ потникъ какая нибудь щепочка, и лошадь побилась.

Деньщикъ не съ математическою точностію, а по своему крайнему разумѣнію разложилъ ваши вещи въ чемоданы: вьюкъ перекоксился на одну сторону, какъ будто хочетъ сказать про-ходящимъ: «ну, посмотрите, добрые люди, виновать ли я, если на этомъ боку лошади будетъ ссадина!» Вы встревожились, поспѣшно снимаете вьюкъ, а ссадина уже есть. Ссадины вы уже не снимете.

Деньщикъ, второпяхъ, не успѣлъ увязать вьюка, какъ слѣ-дуетъ, посредствомъ круговаго ремня и трока: вьюкъ начинаетъ качаться изъ стороны въ сторону, какъ подгулявшій всадникъ, который выбираетъ только мѣсто, куда бы ему лучше сва-литься, и, наконецъ, переворачивается подъ брюхо лошади. Тогда начинается потѣха: чемоданы колотятъ лошади по ногамъ, лошадь колотитъ чемоданы.... Не всегда, въ этомъ случаѣ, деньщикъ управляетъ съ нею; часто конь, вырвавшись изъ его рукъ, прыжками отправляется во чисто поле. Положимъ, онъ не пропадетъ, его изловятъ, и доставятъ къ мѣсту служенія; но ваши вещи? что сдѣлается съ вашими бѣдными вещами?... И если вы съ разу не приведете въ извѣстность всего ущерба вашего хозяйства, то съ этого знаменательнаго дня ваши вещи начнутъ таять въ чемоданахъ, какъ воскъ отъ огня, и что бы вы ни вздумали спросить потомъ, будете получать одинъ и тотъ же отвѣтъ: «а кто его знаетъ, куда оно дѣвалось, должно тожь со вьюка повывертывалось!» А вѣдь подобные случаи часты. Пропустите вьюки рысью хотя на полуверстное разстояніе, и нѣсколько вьюковъ постигнетъ непременно подобная же участь.

Если послѣ такой катастрофы случится вамъ проѣзжать по той дорогѣ, вы неизменно увидите въ одномъ мѣстѣ бро-шенную офицерскую каску, шишакъ которой робко выглядыва-етъ изъ-подъ густой травы, какъ будто боится, чтобы его не замѣтили и не помѣстили бы снова на высоту вьюка, откуда онъ уже совершилъ разъ невольное путешествіе; въ другомъ вы найдете на кучу вываливашагося бѣлья; тамъ заблеститъ пе-редъ вами галунъ офицерскаго погона и бросится въ глаза се-

ребриная ложечка, умоляющая, кажется, добраго прохожаго, чтобы онъ отвелъ ей мѣсто въ своихъ широкихъ карманахъ.

Многое вы увидите, а сколько еще не замѣтитъ вашъ глазъ: точь въ точь товары, выброшенные на берегъ послѣ кораблекрушенія... Но оставимъ и эту картину, а посмотримъ на чемоданы, какъ на хранилище вашихъ вещей. Какъ они исполняютъ свои обязанности? Сколько помнется, потрется и испортится вашего платья! Сколько отъ сырости позеленѣтъ золотыхъ и серебряныхъ вещей!... А стоите вы, напримѣръ, на бивуакахъ, стоите спокойно—вдругъ тревога! Вы пашку черезъ плечо, да на конь! А деньщикъ и пошелъ хозяйничать. Суеть и комкаетъ онъ въ чемоданы все, что ни попадетъ ему подъ руку: на новый мундиръ ложится старый, невычищенный сапогъ; въ чистое бѣлье засовывается щетка, насквозь пропитанная ваксой... Да не въ томъ уже дѣло — хотя бы успѣлъ онъ завьючить къ тому времени, какъ отрядъ тронется, чтобы не остаться ему одному, сиротою безпомощною, посреди чистаго поля — а вотъ бѣда, что чемоданы, набитые беспорядочнымъ образомъ, представляютъ своею наружностію такое разнообразіе возвышенностей, что острые углы своими ребрами непремѣнно натрутъ бока лошади, и вы услышите извѣстное выраженіе: лошадь побилась — выраженіе, всю предельность котораго можетъ постигнуть только бывавшій въ походахъ со вьюками.

Вотъ вамъ и объвьючиваніе. Остается теперь сказать, что при одномъ вьюкѣ почти необходимо имѣть двухъ человѣкъ. И если правительство назначаетъ одного деньщика, а офицеръ на собственныхъ средства не нанимаетъ другаго, то это благодаря только нашихъ эскадронныхъ командировъ, которые никогда не отказываютъ своимъ младшимъ товарищамъ, и даютъ въ помощь солдатика. Этотъ-то солдатикъ и помогаетъ деньщику приподнять съ земли тяжелый вьюкъ и положить его на лошадь. Одному съ такую громадою управиться невозможно, а если и возможно, то потребуетъ слишкомъ много времени; на войнѣ же дорожать и минутой.

Итакъ, вьюки въ хозяйственномъ отношеніи рѣшительно неудобны. Они не берегаютъ, а разрушаютъ офицерскія вещи. Вы всегда не спокойны духомъ, вы постоянно тревожитесь за свой багажъ; а этотъ багажъ часто составляетъ все имущество армейскаго офицера, пріобрѣтенное не въ одинъ день, а въ

теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при скудныхъ средствахъ жалованья. А кто не знаетъ, какъ важно спокойствіе духа при исполненіи нашихъ обязанностей, требующихъ точнаго и добросовѣстнаго исполненія.

Взглянемъ на выюки съ военной стороны.

Здѣсь прежде всего рождается вопросъ: если выюки такъ неудобны въ хозяйствѣ, то почему они были приняты и такъ долго держались въ арміи? Отвѣчать нетрудно: полагали, что выюки менѣе всего стѣсняють движеніе арміи. Посмотримъ, до какой степени они удовлетворяють этому назначенію.

Каждому извѣстно, что самая обременительная часть арміи — обозы. Чѣмъ менѣе ихъ, тѣмъ подвижнѣе армія, слѣдовательно тѣмъ болѣе заключаетъ она въ себѣ залоговъ побѣды. Напротивъ, при обозахъ многочисленныхъ, армія сама мало по малу обращается въ ихъ прикрытіе, теряетъ способность къ быстрымъ движеніямъ, опаздываетъ предупредить непріятеля на томъ или другомъ пунктѣ, и, наконецъ, можетъ случиться проигранная кампанія. Поэтому у всѣхъ народовъ и во всѣ времена обозы обращали на себя самое заботливое вниманіе правительствъ; но, какъ средство, снабжающее армію жизненными и боевыми припасами, они не могли, и не должны были, уничтожаться совершенно, а только съ теченіемъ времени становились подвижнѣе, примѣняясь къ современнымъ требованіямъ тактики.

Въ настоящее время, достоинство обоза заключается въ четырехъ главныхъ качествахъ. Эти качества слѣдующія:

- 1) Легкость, т. е. удобство движенія по мѣстности.
- 2) Возможно меньшее занятіе пространства, или, другими словами, возможно меньшее протяженіе глубины колонны.
- 3) Подвижность.
- 4) Прочность.

Съ этихъ четырехъ пунктовъ будемъ разсматривать и выюки, такъ какъ они составляютъ часть обоза, и, притомъ, обоза самаго легкаго, слѣдующаго непосредственно за войсками,

Относительно перваго качества, т. е. удобства движенія на мѣстности, выюки вполнѣ удовлетворительны, потому что тамъ, гдѣ только можетъ ступить копыто лошади, найдется дорога и для выюка. Ни узкая горная тропинка, ни крутые подъемы и спуски его не задержатъ. Слѣдовательно, здѣсь выюкъ хорошъ безусловно.

Перейдемъ ко второму пункту. Часто слышится мнѣніе, что вьючная колонна занимаетъ будто бы наименьшее пространство. Обыкновенно берутъ въ расчетъ, что двѣ лошади, составляющія вьючную пару, идутъ рядомъ и выигрывается мѣсто, занимаемое въ колесномъ обозѣ собственно подъ экипажи. Но это справедливо только отчасти, какъ все, что выходитъ на основаніи однихъ теоретическихъ соображеній. Не знаю, случалось ли вамъ видѣть вьючную колонну во время похода; мы ее видали не разъ. Ширина этой колонны вовсе не такъ незначительна, какъ можетъ представиться съ перваго взгляда. Деньщикъ со вьючною лошадыю занимаетъ по фронту такое же пространство, какъ обыкновенная парная офицерская повозка; а можетъ быть для вьюка потребуется мѣста и болѣе, если принять въ соображеніе, что лошадь со вьюкомъ занимаетъ по фронту не одинъ шагъ, а отъ двухъ съ половиною до трехъ шаговъ.

Глубина же колонны увеличивается всегда въ два или въ два съ половиною раза противъ первоначальныхъ соображеній. Вы готовы потребовать доказательствъ. Извольте. Не взыщите только, что они не будутъ научныя: съ теоріей мы мало знакомы, наше дѣло — практика. Посмотримъ же на предметъ такъ, какъ онъ есть въ натурѣ, а не такъ, какъ онъ существуетъ въ теоріи. Часто то, что представляется въ воображеніи удобнымъ, на дѣлѣ оказывается неисполнимымъ. Трудное, повидимому, только трудно, а легкое, повидимому, только легко. Но это все въ сторону. Надо рѣшить, почему колонна-то растягивается. А вотъ почему: лошадь, обремененная пятипудовою мертвою тяжестью, идетъ медленно, какъ говорится у насъ, «тянется за поводомъ». Она никогда не пойдетъ наравнѣ, а непремѣнно на полъ-лошади сзади деньщика, иногда же оттянетъ и еще дальше. Другой деньщикъ уже не можетъ ѣхать на хвосту перваго, по той причинѣ, что ему мѣшаетъ передній вьюкъ, и онъ отстаетъ; его лошадь мѣшаетъ третьему деньщику, и такъ далѣе. Притомъ, медленность движенія головныхъ частей колонны окончательно затрудняетъ ее хвостъ, а при этомъ растягиваются и н обозныя колонны.

Значить, всему зло—передняя лошадь. Подогнать ее, правда, немудрено; но насильственная мѣра въ этомъ случаѣ приведетъ еще въ худшіе результаты: лошадь, скорѣе изнуряясь подъ

• выюкомъ, нежели въ упряжи, или вовсе пристанеть, или и ляжетъ...

По нашему мнѣнію, вся выгода выючной колонны передъ колесною состоитъ въ томъ, что она можетъ двигаться не только по дорогѣ, но и по прилегающимъ къ сторонамъ ея лугамъ или пашнямъ, при чемъ, разумѣется, можно увеличивать ширину колонны и уменьшать ея глубину. Но и мѣстность, во первыхъ, не всегда позволяетъ идти по сторонамъ дороги: часто прилегаютъ къ ней или низменные, топкіе луга, или просто болота; во вторыхъ, идя по чернозему или по свѣжей пахоти, выючная лошадь чрезвычайно скоро утомляется.

Можно, значитъ, предположить, что выючная колонна малоподвижна? И предполагать нечего: она на самомъ дѣлѣ такая, да сверхъ того еще и неповоротливая. Для поворота деньщикъ долженъ описывать довольно значительный вольтъ, потому что тяжесть выюка мѣшаетъ лошади согнуться въ ребрахъ, что препятствуетъ повороту на мѣстѣ, и она еще неохотѣе идетъ за поводомъ. Сверхъ того, выюки обыкновенно задерживаютъ подъемъ всего отряда, увеличиваютъ безъ пользы время приваловъ и замедляютъ его движенія на походѣ.

Намъ случалось слѣдить за всѣмъ этимъ. Напримѣръ, отрядъ поднимается съ ночлега; бьютъ по возамъ; по этому бою снимаютъ палатки, запрягаютъ обозы, укладываютъ фуры. У деньщика выюки готовы; но лошади онъ не выючить, потому что до выступленія отряда остается времени еще довольно, а съ навьюченной лошадью надо сейчасъ же идти, иначе тяжесть выюка заставитъ ее лечь. Это фактъ, который подтверждаютъ всѣ участвовавшіе въ походахъ. Ударили подъемъ: войска строятся, а деньщики только тогда начинаютъ выючить; но этотъ процессъ занимаетъ около получаса времени, и выступающему отряду иногда еще долго приходится дожидаться своихъ выюковъ.

А на привалѣ? Обозъ можетъ отдыхать и не выпрягая лошадей: стоятъ только остановиться; остановиться же съ выюками значитъ еще болѣе изнурять лошадей, потому на каждомъ привалѣ выюки снимаютъ. Между тѣмъ, можетъ случиться тревога, нечаянное выступленіе, да мало ли чего не случается, и опять получасовой процессъ обвьючивания, тогда какъ колесный обозъ, зануздавъ лошадей, готовъ къ движенію.

Не правы тѣ, которые придаютъ выючной колоннѣ никогда не

принадлежавшую ей способность двигаться за отрядомъ рысью. Я уже не говорю о томъ, что колонна, растягивающаяся на шагъ, растянется на рыси на цѣлые два сосѣдніе узда; да она и не пойдетъ рысью, потому что и шагомъ-то ходитъ медленно. Если при побудительныхъ средствахъ лошади побѣгутъ рысью, то вьюки то и дѣло что начнутъ переворачиваться. Последнее обстоятельство и составляетъ четвертый недостатокъ вьючной колонны.

То, что въ обозѣ мы называемъ прочностію, относительно вьюковъ должно быть замѣнено хорошею пригонкою ихъ. Подобно тому, какъ сломавшееся колесо, опрокинувшаяся повозка задерживаютъ движеніе всего отряда, такъ, если еще и не больше, задерживаютъ его опрокинувшіеся вьюки; не разбрасывать же ихъ по полю въ добычу непріятелю. Притомъ, въ обозѣ фурштаты могутъ помогать одинъ другому; отъ деньщиковъ же требовать этого нельзя, потому, во первыхъ, что это не въ ихъ натурѣ, а во вторыхъ у деньщика на рукахъ двѣ лошади, отъ которыхъ онъ отойти не можетъ.... Но у фурштата же три? Такъ; однако, лошади въ упряжи будутъ стоять и однѣ, подъ сѣдломъ—нѣтъ. Допустимъ и взаимную помощь; все-таки новое объвьючиваніе отниметъ много дорогаго времени. Кромѣ того, обозы почти всегда слѣдуютъ особыми колоннами, а вьюки на рукахъ отряда, которому и приходится возиться съ ними. Обозы можно предварительно осматривать и предупреждать неисправности; неисправности же вьюковъ зависятъ большею частію отъ случая, а случай потому-то именно и случай, что его предупредить не всегда возможно.

Итакъ, вьюки, не удовлетворяя въ хозяйственномъ отношеніи, не доставляютъ особой выгоды и въ военномъ. Значитъ, они неудобны. Чѣмъ же замѣнить ихъ? Двухколкою? Сравнимъ ее съ вьюкомъ: при сравнительномъ взглядѣ легче выходить на ружу достоинства и недостатки испытываемаго предмета.

Разсматривая двухколку съ хозяйственной стороны, нельзя не замѣтить слѣдующихъ преимуществъ ея:

1) Двухколка гораздо умѣстительнѣе вьюка; офицеръ можетъ подниматься на ней со всѣмъ своимъ имуществомъ; его не стѣснять лишній вальтрапъ или лишняя форма; онъ найдетъ возможность положить въ нее и необходимый запасъ фуража, и нѣсколько полѣнъ дровъ, и вещи, далеко не лишнія въ походѣ,

какъ-то: небольшой коврикъ, подушку и проч., чего безъ затрудненія невозможно помѣстить на выюкѣ. Офицеръ не станетъ стѣсняться цифрою общаго вѣса, потому что лошадь въ упряжи легко повезетъ 10 и 12 пудовъ, тогда какъ на спинѣ не поместитъ болѣе пяти.

2) Вмѣсто двухъ лошадей офицеръ можетъ имѣть одну, такъ какъ деньщикъ сидитъ въ той же самой двухколкѣ, гдѣ лежать и вещи. Это представляетъ матеріальную выгоду не только офицеру, но и всему отряду, сокращая потребность фуража на значительное число лошадей, что въ странѣ, не изобилующей имъ, составить большую разницу (*).

3) Выборъ упряжной лошади несравненно легче, нежели выючной. Здѣсь ни ростъ ея, ни особая крѣпость спины не играютъ роли: довольно, если лошадь будетъ здорова; необходимо только не жалѣть для нея корма.

4) Вся сложная и неудобная система обвѣиванья замѣняется весьма простою и удобною упряжкою, не требующею отъ деньщика ни навыка, ни практики. Вы избѣгаете всѣхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ дурнымъ обвѣиваніемъ, а это дѣло немаловажное.

5) При неожиданной тревогѣ или нечаянномъ выстуженіи, ваши вещи не могутъ быть брошены на мѣстѣ, потому что запречь двухколку можно менѣе нежели въ пять минутъ; обвѣиваніе же, даже самое плохое, продолжается съ четверть часа, а четверть часа отрядъ дожидаться не будетъ.

6) Деньщикъ съ двухколкою управляется одинъ и не требуетъ посторонней помощи, что при выюкахъ неизбѣжно.

7) Фуражаровка несравненно удобнѣе. Въ двухколкѣ сразу можно привезти такое количество фуража, за которымъ выючныхъ лошадей должно было бы посылать по нѣскольку разъ.

8) Вещи въ двухколкѣ сберегаются лучше. Можно даже посоветовать вовсе бросить чемоданы, въ которыхъ платье мнется

(*) Правительство, вводя двухколки, не прибавляетъ ничего, и не должно ничего уменьшать. Рационы для офицеровъ должны существовать тѣ же, что и имѣть. Это необходимо для того, чтобы дать средство офицеру остающимся отъ лишняго лошадей фуражника деньги употребить на ремонтное двуколки, на покупку доброй лошади, если прежняя падетъ или окажется негодною, и, наконецъ, на излишнюю дачу фуража той лошади, которая везетъ его вещи. Лошадь сытая и сильная доставитъ выгоду и всему отряду.

и сырѣеть, и замѣнить ихъ сундуками, наманеръ кавказскихъ вьюковъ, только формою приспособленныхъ къ двухколкѣ. Выгода сундуковъ та, что они хорошо сберегаютъ вещи, запираются на замокъ, не требуя, подобно чемоданамъ, постоянныхъ увязываній веревками, и сверхъ того доставляютъ удобную и покойную постель (*). А это важно. Если вы будете возить желѣзную кровать, то прибавите нѣсколько пудовъ лишней и бесполезной тяжести; деревянная же складная кровать никуда не годится: она ломается, потому что въ нашемъ походномъ быту кровать исполняетъ должность и гостинаго дивана.

Самая же важная статья та, что лошадь никогда не побивается; стало быть, офицеръ, путешествующій съ двухколкою, всегда покоенъ за свои вещи. Но вѣдь и хомуть потираетъ лошадь? Конечно, случается; но это легко устранить: стоять только подшить его мягкимъ войлокомъ; мягкій же потникъ не спасаетъ лошади отъ набоевъ, если она дурно обвьючена. Прочія болѣзни, даже хромота, въ случаѣ крайней нужды, еще не могутъ совершенно препятствовать лошади везти двухколку, тогда какъ подъ вьюкъ она не годится положительно.

«Ну, а если ваша единственная лошадь падетъ, что вы будете дѣлать съ двухколкою?»—Но вѣдь лошадь можетъ издохнуть и подъ вьюкомъ; что же вы тогда сдѣлаете съ вашими чемоданами? Итакъ, подумаемъ и скажемъ потомъ, гдѣ легче перенести офицеру подобную невзгону.

Начнемъ съ того, что въ первомъ случаѣ вы можете разложить свои вещи на двухколки товарищей, гдѣ два или три лишніе пуда не составятъ ощутительной разницы. А съ вьюками-то какъ? Вѣдь вьючныхъ чемодановъ не разберутъ товарищи, потому что на вьюкахъ и незначительная прибавка не только ощутительна, но и положительно невозможна. Но развѣ вы забыли, что у деньщика вашего есть другая лошадь? Есть она, пожалуй, да на одну лошадь не положишь того, что лежало на двухъ. Наконецъ, подъ двухколку вы купите перваго попавшагося коня, не справляясь, по крайней мѣрѣ, съ его метрикой, лишь бы здоровъ былъ, а подъ вьюкъ такъ нельзя покупать: подъ вьюкъ надо выбрать, чтобы на послѣдующемъ переходѣ не пришлось вамъ перемѣнять его снова.

(*) Подробное описаніе кавказскихъ вьюковъ помѣщено въ статьѣ: «Объ офицерскихъ походныхъ вьюкахъ». «Военный Сборникъ» 1860 года, № 5.

Къ выгодамъ двухколки можно отнести еще и то, что офицеръ, съ помощію ковра или бурки, раскинутой на оглобляхъ, легко можетъ устроить себѣ небольшую палатку, которая укроетъ его отъ дождя и ненастья.

Изъ всего этого пускай читатель самъ выводитъ заключеніе, что удобнѣе для офицера: вьюкъ или двухколка?

Положимъ, что двухколка удобнѣе; но въ военное время личныя удобства нужно приносить въ жертву военнымъ соображеніямъ, или, какъ у насъ говорятъ, общему дѣлу. Такъ не стѣснить ли двухколка движеніе арміи? А вотъ посмотримъ, и если не стѣснить, значитъ она удобнѣе вьюковъ и съ этой стороны.

1) Относительно движенія, двухколка не стѣснить арміи, потому что гдѣ есть дорога для вьюка, тамъ найдется путь и для двухколки. Ширина ея хода и ширина вьюковъ, лежащихъ на лошади, почти одна и та же. Слѣдовательно, чтобы двухколка не прошла, нужно себѣ представить такую тропинку, съ одной стороны которой возвышалась бы непреступная крутизна, съ другой окаймляла бы ее страшная бездна, при чемъ и тропинка должна быть такъ узка, что навьюченная лошадь только-только могла бы помѣститься на ней, и притомъ чемоданы съ одной стороны касались бы крутизны, съ другой висѣли бы надъ бездною. Если и есть такія тропинки, то по нимъ невозможно сообщеніе и на вьюкахъ: одинъ невѣрный шагъ лошади увлечетъ ее въ бездну.

— «Однако же, на Кавказѣ есть мѣста, гдѣ даже жители всѣ сообщенія между собою производятъ не иначе, какъ на вьюкахъ; значитъ, тѣ мѣста непроходимы для ихъ арбы?» Да! арбы тамъ не ходятъ. Но, во первыхъ, это въ такихъ горахъ и труппахъ, о которыхъ Европа не имѣетъ и понятія; а во вторыхъ, на Кавказѣ живутъ племена воинственныя, правда, но которыя, въ простотѣ сердца, думаютъ, что воровство извинительнѣе торговли. При такихъ условіяхъ какія же могутъ существовать дороги! А поселите тамъ хоть нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, и черезъ самое короткое время, по той дорогѣ, гдѣ едва лѣпились вьюки, вы пробѣдете въ телѣгѣ, даже съ размашистою, трюичною упряжкою.

Косогоры, канавы, камни и другія мѣстныя препятствія, черезъ которыя можетъ переступить лошадь подъ вьюкомъ, не за-

держатъ и двухколки. Въ узкія ворота она проходитъ удобнѣе, нежели вьюкъ, потому что деньщикъ управляетъ и смотритъ прямо передъ собою; вьючную же лошадь онъ пускаетъ на длинномъ поводѣ позади себя, значитъ лошадь идетъ на волѣ, и очень часто вьюкъ, зацѣпившись въ воротахъ, или ломается, или опрокидывается на первомъ же шагу. Но въ грязь, зимнія кампаніи, снѣгъ по колѣно!... И это не бѣда. Правда, трудно будетъ лошади тащить двухколку, но еще труднѣе вытаскивать изъ грязи и снѣгу свои собственные ноги, когда на спинѣ у ней лежитъ пять, шесть или семь пудовъ клади.

2) Вьючная колонна занимаетъ пространства болѣе, нежели колонна изъ двухколокъ. Это видно изъ слѣдующаго расчета: для деньщика со вьючною лошадью въ поводѣ нужно считать по фронту три шага; на двухколку, принимая въ соображеніе исключительно одну только ширину ея хода, два шага. Въ глубину же и та и другая колонна занимаютъ одинаковое пространство: на каждую лошадь считается три шага; если же собственно вьюкъ оттянетъ на полъ-лошади (что самое малое), то на вьючную пару придется положить до пяти шаговъ. Пять шаговъ занимаетъ и двухколка, полагая собственно на нее два аршина. Теперь, если три вьюка пойдутъ рядомъ, протяженіе ихъ фронта будетъ отъ девяти съ половиной до десяти шаговъ. Это же мѣсто займутъ четыре двухколки, полагая еще по полуаршину на каждый интервалъ между ними. Слѣдовательно, и глубина колонны должна уменьшиться. Положимъ, что при отрядѣ 12 офицеровъ: ихъ вьюки пойдутъ въ четыре шеренги, а двухколки — въ три.

Глубина колонны уменьшается и отъ уменьшенія числа лошадей. Каждый офицеръ, которому полагается два или три вьюка, замѣнитъ ихъ одною двухколкою. Расчетъ ясенъ: если на двухъ вьюкахъ, требующихъ *три* лошади, помѣстятъ десять пудовъ тяжести, то въ двухколку, запряженную одною, но здоровою лошадью, помѣстится 12 и 14 пудовъ.

На походѣ эта колонна не такъ растягивается, какъ вьючная, потому что лошади ничто не мѣшаетъ идти какъ-разъ за переднею двухколкою. Доказательство — наши одноконныя извозничьи подводы.

3) Двухколки, подобно вьюкамъ, можно рассчитывать на отдѣленія по три или рядами, съ тою разницею, что всѣ постро-

нія будутъ исполняться правильнѣе и скорѣе, такъ какъ деньщикъ *управляетъ* лошадыю, а не тянетъ ее только за поводъ. При этомъ двухколки могутъ выстраиваться въ рядъ и идти точно такъ же, какъ вьюки, по сторонамъ дороги. Онѣ не задерживаютъ выступленія отряда, не увеличиваютъ времени приваловъ, не замедляютъ его движенія на походѣ.

Въ первомъ случаѣ, едва раздался бой «по возамъ», уже двухколки запрягаются и укладываются; слѣдовательно, отряду не придется терять времени, пока деньщики успѣютъ управиться со вьюками.

На привалѣ лошадь не выпрягается; она отдыхаетъ, стоя на мѣстѣ. Въ случаѣ неожиданнаго подъема, деньщику стоитъ только зануздать лошадь, на что времени потребно менѣе одной минуты.

При движеніи отряда двухколки безъ особаго труда могутъ идти рысью, не рискуя ни испортить лошадей, ни растерять вещей, не перекидываться такъ часто, какъ это случается со вьюками.

Этимъ бы я и закончилъ, еслибъ не поднялись вопросы. «А что, если колесо разсыплется?... ось лопнетъ?... оглобля сломается? Что тогда будетъ съ вашею двухколкою?» — Пойдите, пойдите, господа! Что тогда будетъ—это извѣстно: двухколка остановится и не поѣдетъ дальше. — Но вѣдь такія же напасти и со вьюкомъ бываютъ. — «Что вы? да откуда жъ тамъ колеса?...» — Точно, тамъ нѣтъ ни колесъ, ни осей, ни оглоблей; но за то тамъ есть многое множество ремешковъ и пряжекъ, трюковъ и веревочекъ, а эта-то мелюзга и составляетъ главнѣйшую обузу въ дорогѣ. А колесо съ двойною-то шиною — помилуйте, ему нѣтъ причины рассыпаться. А желѣзная ось: посмотрите-ка на орудія — вѣдь какая тяжесть! а ось не лопадется; отчего же она лопнетъ подъ легкою двухколескою? Оглобля, дѣйствительно, можетъ сломаться; но объ этомъ и говорить нечего: перевяжите ее веревкою, и конецъ дѣлу. Вамъ, вѣроятно, случилось ѣздить на почтовыхъ; ѣдете вы, и вдругъ—крякъ! дышло пополамъ.... Кругомъ степь, трава, ни деревца, ни постоялаго дворика; а не успѣли вы сообразиться, какъ ужъ ящикъ уладилъ все и повезъ васъ снова. Такъ и тутъ: потихоньку доберетесь на мѣсто; а добраться нельзя—бросьте двухколку: вещи товарищи разберутъ. А коли ужъ вьюкъ бросите, такъ бросайте и вещи: ихъ никто не возьметъ.

Къ выгодамъ двухколки въ военномъ отношеніи можно причислить и то, что изъ нихъ, въ случаѣ крайности, можетъ составиться вагенбургъ, за которыми спѣшенные люди могутъ съ успѣхомъ обороняться отъ нападающей конницы. Подобныя укрѣпленія намъ случалось видѣть на Кавказѣ. Ихъ весьма искусно устраиваютъ мирные горцы изъ своихъ аробъ, если имъ приходится останавливаться на ночлегъ посреди открытой поляны.

Въ заключеніе скажемъ, что стоимость двухколки отъ 20 до 30 рублей; поднаго же вьюка вы не уберете и въ 50. Притомъ, вьюкъ послѣ кампаніи бросится, а двухколка можетъ служить офицеру и въ мирное время, при постоянныхъ походахъ съ одного мѣста на другое (*). Да я не знаю, почему бы офицеру не ѣздить въ ней, напримѣръ, и по городу: вѣдь это тотъ же кабриолетъ. Ну, сдѣлайте ее покрасивѣе, съ какою нибудь рѣзьбою, покрасьте, покройте лакомъ — въ походъ это не помѣшаетъ, а дома доставитъ вамъ удобный и красивый экипажъ, при которомъ вы можете обходиться одною лошадыю. Стоитъ только ввести это въ армію. Дайте же намъ двухколку, и вы увидите, что офицеръ не разстанется съ нею, потому что она практична. Каждое нововведеніе только тогда хорошо, когда оно прививается къ арміи. Возьмите сѣрыя, солдатскія шинели, которыя были даны офицерамъ во время минувшей войны. Сперва на нихъ бросились, но сейчасъ же и оставили, потому что убѣдились въ ихъ непрактичности. Дали пальто — и офицеры ихъ не снимаютъ!... Противная исторія у насъ была съ большими сапогами. Когда войскамъ отпускали ратничій товаръ и солдаты начали шить сапоги съ длинными голенищами выше колѣна, они щеголяли ими. Этотъ отпускъ прекратился; отпускаемая теперь

(*) При всеобщемъ улучшеніи содержанія армейскаго офицера, къ сожалѣнію, не было обращено вниманія на одинъ весьма важный предметъ: на средства офицера перевозить свои вещи, во время безпрестанныхъ походовъ, съ одного мѣста на другое. Бѣдный офицеръ, не имѣющій возможности содержать даже одну упряжную лошадь, находится всегда въ весьма затруднительномъ положеніи, при отыскиваніи и наймѣ подводъ изъ своего небольшого жалованья *Пр. авт.*

Комитетъ, Высочайше учрежденный для опредѣленія довольствія армейскихъ войскъ, обстоятельство, указываемое авторомъ, имѣлъ въ виду и устранилъ оное предположеніемъ: при всякомъ передвиженіи войскъ болѣе 100 верстъ разстоянія, назначать офицерамъ, слѣдующимъ при войскахъ, прогонныя деньги. См. рядъ статей: «Труды Комитета», «Военный Сборникъ» № 9, 10 и послѣдующіе номера. *Ред.*

голешища короткія, далеко не доходящія до колѣна,—и солдатъ этихъ сапоговъ не носить, по тому же самому, что они непрактичны. Хорошій служивый убиваетъ послѣднія деньги на то, чтобы имѣть сапоги съ прежними, длинными голешищами; бѣднякъ надтачиваетъ казенные; эта обувь ему родная, и длинныя голешища составляютъ для солдата то же, что для офицера экипажъ. Въ нихъ онъ всегда сухъ, чистъ и опрятенъ.

Дубно.

ДРАГУНЪ.